

БЛИКС

По правде говоря, мне просто не следовало приходить, и всё. Еще нет и пяти вечера, а я уже мечтаю быстро и безболезненно сдохнуть. Но при этом как-нибудь подраматичнее: с эффектным падением на пол, закатившимися глазами и конвульсиями конечностей.

Итак, дело происходит на традиционном чаепитии, которое моя племянница ежегодно устраивает после Рождества, когда люди, едва оклемавшись от бесконечной череды праздничных закупок, вечеринок и похмелий, обнаруживают, что их ждет не дождется Венди Спиннакер, и поэтому приходится натянуть красные свитера и брюки со стрелками, а потом часами выстаивать в гостиной, восхищаясь заново отделанным особняком, его богатым убранством и пить странного вида красный коктейль, который подает на подносе наряженная официанткой старшекласница.

Насколько я могу судить, единственная цель этого сборища — напомнить добрым людям города Фейрлейна, штат Вирджиния, что моя племянница — очень важная персона и притом состоятельная. Сила, с которой следует считаться. Благотворительница. Председатель много каких организаций.

Если честно, мне не уследить за всеми направлениями ее деятельности.

Я чувствую искушение встать и устроить что-то вроде голосования: «Поднимите руку те, кто за последние несколько часов пал духом! А теперь те, кто хотел бы построиться паровозиком прямо за входными дверями!» Уверена, желающие найдутся. А потом племянница придушит меня в моей собственной постели.

Я живу далеко, и вообще я — старая развалина, поэтому, скорее всего, не явилась бы сюда (по большей части мне хватает здравого смысла манкировать этим ежегодным мероприятием), но Хаунди решил, что мне надо поехать. Он сказал, возможно, я пожалею, если не увижусь с семьей в последний раз. Хаунди волнуют такие штуки, как сожаления на смертном одре. Думаю, конец жизни представляется ему прекрасным финалом отличного романа: всё перевязано красивой ленточкой с бантиком, все грехи прощены. Можно подумать, такое бывает.

— Я пойду, — в конце концов пообещала я ему, — но скрою от них, что больна.

— Они поймут, когда тебя увидят, — сказал он.

Но они, конечно, не поняли.

Хуже того, именно в этом году мой внучатый племянник наконец-то обручился, и вечеринке суждено растянуться до бесконечности, потому что все ждут, когда он доберется из Калифорнии вместе с невестой, чтобы та предстала перед высшим обществом, в которое ей предстоит влиться после свадьбы.

— Она просто вертихвостка, он познакомился с ней на какой-то конференции, и ей удалось его заарканить, — сказала мне Венди по телефону. — Возможно, у нее в голове всего полторы извилины,

и те толком не работают. Воспитательница в детском саду, ну как вам это нравится? О семье и говорить нечего — отец занимается страхованием, а мать, насколько я могу судить, и вовсе ничего не делает. Они из *Фла-ариды*.

Это она так говорит: *Фла-ариды*.

Я все еще размышляю над словом «вертихвостка» и тем, что оно могло бы означать в представлении Венди. Вне всяческих сомнений, меня там описывают с таким же пренебрежением. Видите ли, я до сих пор считаюсь тем самым уродом, без которого не бывает семьи и за которым нужно хорошенько присматривать. Бликс-отщепенка, Бликс-нарушительница. Родственникам ненавистно то, что я забрала свою долю наследства и перебралась в Бруклин — а это, как всякому известно, неприемлемо, ведь там проживают так называемые северяне.

Я окидываю взглядом комнату. Этот дом некогда был семейной усадьбой, передаваемой из поколения в поколение от одной любимой дочери к другой (конечно, минуя меня), а сейчас мне приходится собирать все свои силы, чтобы блокировать негативную энергию, буквально разлитую в воздухе. Трехметровая искусственная елка со стеклянными украшениями от Кристофера Радко и мерцающие разноцветные гирлянды тщатся создать впечатление, будто все просто превосходно, всем бы так жить, но я-то лучше знаю, что к чему. Эта семья прогнила до самой сердцевины, и неважно, какая в доме обстановка и какой антураж.

Я вижу вещи насквозь такими, какие они есть, меня не сбить притворством и позерством. Я до сих пор помню этот дом, когда он был по-настоящему грандиозным, еще до того, как Венди Спиннакер

решила выбросить тысячи долларов на бутафорскую модернизацию его фасада. Впрочем, это отлично олицетворяет жизненную философию нашей семьи: заштукатурить то, что происходит в реальности, а поверх еще и облицовку какую-нибудь забабрахать. И никто ничего не узнает.

Но я-то знаю.

Ко мне подходит слегка подвыпивший пожилой господин (к слову сказать, у него пахнет изо рта) и начинает рассказывать о слиянии неких банков, которое он провернул, и приобретении некой собственности, а также о том, что считает мою племянницу единственным человеком, способным придать хворосту вкус несвежих носков. Я уже готова с ним согласиться, когда вдруг понимаю, что на самом деле он не говорил последних слов. В комнате слишком шумно и жарко, поэтому я силой мысли заставляю его испариться, и он, конечно же, ковыляет прочь.

Есть у меня кое-какие таланты.

Потом, чудо из чудес, когда все присутствующие уже совсем готовы предаться отчаянию и безудержному пьянству, входная дверь распаивается, и вечеринка внезапно обретает энергию, будто кто-то воткнул вилку в розетку, и нам словно разрешили вернуться к жизни.

Это является молодая чета.

Венди спешит к входу, хлопает в ладоши и восклицает:

— Внимание! Всем внимание! Конечно, все вы знаете моего дорогого, замечательного Ноа, а вот *это* — его прелестная невеста, Марни Макгроу, моя будущая чудесная сноха. Добро пожаловать, дорогая!

Маленький квартет в углу гостиной ударяет в смычки и заводит «Вот идет невеста», и все толпятся вокруг, пожимая руки молодой парочке и заставляя мне обзор. Я слышу, как Ноа, унаследовавший семейное фанфаронство и браваду, басовито вещает что-то о перелете и дорожном движении, пока все обнимают и тискают его невесту, будто она — имущество, которое отныне принадлежит всем присутствующим. Вытянув шею и наклонив голову вправо, мне удастся разглядеть, что невеста действительно прелестна — высокая и тоненькая, с румянцем и словно вся окружена золотой дымкой, а еще она носит свой голубой берет, заломив его набекрень с той лихой беспечностью, которую нечасто встретишь на приемах у Венди.

А потом я замечаю в ней нечто еще, то, как она смотрит из-под длинной светлой челки. И — оп! — наши взгляды встречаются через всю комнату, и, клянусь, что-то проскакивает между нами, какая-то искра.

Я уже совсем было поднялась со своего места на маленькой софе, но сейчас падаю обратно, закрываю глаза и стискиваю кулаки.

Я ее знаю.

Боже мой, у меня на самом деле возникает такое ощущение.

На то, чтобы собраться с духом, уходит минута. В конце концов, я могу ошибиться. Но нет, так оно и есть. Марни Макгроу, в точности как и я в старые добрые времена, смело противостоит натиску южной аристократии, и я вижу ее сразу молодой и старой, и это заставляет мое немощное сердце колотиться отчаянно, как в былые времена.

«Иди сюда, милая», — телепатически транслирую ей я.

Так вот, значит, *для чего* я здесь. Не для того, чтобы положить конец годам семейных неурядиц. Не для того, чтобы пить эти абсурдные коктейли, и даже не для того, чтобы припасть к корням.

Мне было суждено встретить Марни Макгроу.

Я кладу ладонь себе на живот, туда, где с прошлой зимы во мне растет клубок опухоли, плотная, твердая субстанция, которая, я уже знаю, убьет меня еще до наступления лета.

«Подойди сюда, Марни Макгроу. Мне так много нужно тебе сказать!»

Но пока нет. Пока нет. Она не подходит.

Ах да! Конечно же. Существуют правила, которые следует выполнять, когда тебя демонстрируют благовоспитанному южному обществу как нареченную наследника. И под напором происходящего Марни Макгроу начинает нервничать, трепетать, а потом совершает ужасную оплошность, настолько восхитительную и запредельно чудовищную, что ее одной хватило бы, чтобы раз и навсегда предстать передо мной в выгодном свете, даже если бы я еще не знала Марни. Она отказывается от хвороста, испеченного Венди. Сперва она просто вежливо качает головой, когда к ней подталкивают это традиционное блюдо. Она пытается утверждать, что не голодна. Это определенно не соответствует действительности, на что и указывает ей Венди, сверкнув глазами-лазерами: ведь им с Ноа пришлось много часов провести в пути, пропустить и завтрак, и обед, перебиваясь на борту самолета одним лишь арахисом.

— Милочка, ты *должна* поесть! — восклицает Венди. — Да на твоих косточках нет ни единого лишнего грамма, благодарение небесам!

Я закрываю глаза. Ну вот, девушка провела здесь всего несколько минут и уже удостоилась уничижительной присказки «благодарение небесам». Марни, дрогнув, тянется к еде, берет булочку и темную виноградину, но и это тоже ошибка.

— Нет-нет, моя дорогая, возьми хворост! — настаивает Венди. Мне знакомы эти интонации. Но каким-то образом умудрился не объяснить своей единственной и неповторимой, что семейный закон требует, чтобы гости угощались хворостом, после чего им следует грянуть оземь и извиваться от восхищения, потому что в этом году он удался *гораздо* лучше, чем в прошлом.

И тут Марни произносит фразу, которая определяет ее дальнейшую судьбу. Заикаясь, она выдавливает из себя:

— П-простите, но мне правда как-то неловко есть ветки...

Я прикрываю рот ладонью, чтобы никто не увидел моей широкой улыбки.

Ага! Глаза моей племянницы вспыхивают, она смеется своим раздраженным, пугающим смехом и говорит громким голосом, который заставляет всех замолчать и посмотреть на нее:

— Моя дорогая, с чего ты взяла, что хворост имеет что-то общее с ветками? Ради всего святого! Ты так решила потому, что оба этих слова вроде как связаны с деревьями? Пожалуйста, не говори, что ты именно так и подумала!

— Извините, я не... ох, я прошу прощения...